

М.М. Шибзухов

Роль системы мусульманского образования в Кабардино-Балкарии в приобщении...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):377–398

DOI 10.31162/2618-9569-2025-18-2-377-398

УДК 297.17

Original paper

Оригинальная статья

Роль системы мусульманского образования в Кабардино-Балкарии в приобщении исламской молодежи республики к традиционным религиозно-культурным ценностям: середина 2000 – середина 2010-х гг.

М.М. Шибзухов^{1а}

¹Религиозная организация: образовательная организация высшего образования Северо-Кавказский Исламский университет имени Имама Абу Ханифы, г. Нальчик, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0722-2204>, e-mail: shibzukhov@mail.ru

Резюме: Автор изучает специфические черты комплекса мероприятий, проведенных мусульманскими образовательными учреждениями Кабардино-Балкарской Республики (далее КБР), направленных на приобщение исламской молодежи республики к религиозному и культурному наследию кабардинского и балкарского этносов. В работе изучена роль культурной политики ДУМ КБР и республиканской системы исламского образования в противодействии распространению идей религиозного фундаментализма, неоязыческих и сектантских концепций. В статье рассматриваются характерные особенности сотрудничества Северо-Кавказского Исламского университета имени Имама Абу Ханифы с Пятигорским государственным лингвистическим университетом в конце 2000 – середине 2010-х гг. и их роль в просвещении мусульманской молодежи КБР.

Ключевые слова: Духовное управление мусульман КБР; мусульманское образование; Северо-Кавказский Исламский университет имени Имама Абу Ханифы; медресе; исламская культура; борьба с сектантством; противодействие неоязыческим воззрениям; Адыгэ Хабзэ; межвузовское сотрудничество

Для цитирования: Шибзухов М.М. Роль системы мусульманского образования в Кабардино-Балкарии в приобщении исламской молодежи республики к традиционным религиозно-культурным ценностям: середина 2000 – середина 2010-х гг. *Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2): 377–398. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-377-398*

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

M.M. Shibzukhov

The role of the Muslim education system in Kabardino-Balkaria in introducing the Islamic...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):377–398

The role of the Muslim education system in Kabardino-Balkaria in introducing the Islamic youth of the republic to traditional religious and cultural values: mid-2000 -mid-2010s.

M.M. Shibzukhov^{1a}

¹Religious organization: Educational organization of Higher Education North Islamic University named after Imam Abu Hanifa, Nalchik, Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0722-2204>, e-mail: shibzukhov@mail.ru

Abstract: The author, through a multidimensional analysis of scientific research, studies the specific features of a set of activities carried out by Muslim educational institutions of the Kabardino-Balkarian Republic (hereinafter KBR) aimed at introducing the Islamic youth of the republic to the religious and cultural heritage of the Kabardian and Balkarian ethnic groups. The paper examines the role of the cultural policy of the Spiritual Administration of Muslims of the KBR and the republican system of Islamic education in countering the spread of ideas of religious fundamentalism, neo-pagan and sectarian concepts. The author examines the characteristic features of cooperation between the North Caucasus Islamic University named after Imam Abu Hanifa and Pyatigorsk State Linguistic University in the late 2000s – mid-2010s and their role in educating the Muslim youth of the KBR.

Keywords: Spiritual Administration of Muslims of the KBR; Muslim education; North Caucasus Islamic University named after Imam Abu Hanifa; madrasah; Islamic culture; combating sectarianism; countering neo-Pagan views; Adyge Khabze; interuniversity cooperation

For citation: Shibzukhov M.M. The role of the Muslim education system in Kabardino-Balkaria in introducing islamic youth of the republic to traditional religious and cultural values: mid-2000 – mid-2010s. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2): 377–398. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-377-398

Введение

Процесс исламского конфессионального возрождения, начатый в СССР, а позднее проходивший в Российской Федерации на рубеже 1980–1990-х гг., был сопряжен с преодолением негативных последствий продолжительной антирелигиозной деятельности советских властей, приведшей к резкому снижению уровня религиозной грамотности и духовности советских мусульман (как и представителей иных традиционных конфессиональных вероучений).

В результате реставрация системы конфессиональных институтов, в том числе образовательных мусульманских, была связана с потребностью в духовной и материальной помощи иностранных единоверцев. При этом долгое отсутствие должных контактов с мировой исламской уммой привело в 1990-х гг. к неумению выявлять принципиальные отличия между традиционным мусульманским вероучением и радикальными концепциями псевдоисламского толка и, как следствие, к распространению в России фундаменталистских идей.

Кабардино-Балкарская Республика, как и иные национальные государственные образования Северного Кавказа, вынуждена была вести борьбу с конфессиональным экстремизмом, нанесшим существенный ущерб в результате трагических событий 2005 г.

В данном контексте представляется актуальным изучение деятельности ДУМ республики и местных исламских учебных заведений, осуществляемой с середины 2000-х до середины 2010-х гг., основанной на приобщении молодого поколения мусульман к религиозно-культурному наследию автохтонных народов с целью преодоления конфессиональной безграмотности и противодействия распространению радикальных идей различной направленности.

Методологическая основа данной работы основана на применении следующих инструментов теологического исследования: каузальный анализ, герменевтический подход, структурно-функциональный анализ. В статье использованы общенаучные методы исследования: метод обобщения и сравнения, конкретно-исторический подход, диалектический подход, историко-типологический и историко-сравнительный методы.

Цель данной научной работы – исследование специфики культурно-просветительской работы исламских образовательных учреждений КБР в молодежной исламской среде с середины 2000-х до середины 2010-х гг.

Для достижения цели исследования определены его основные задачи:

– исследовать особенности просветительской работы исламской образовательной системы КБР, ориентированной на углубленное изучение мусульманской молодежи основ религиозного и культурного наследия кабардинского и балкарского народов;

– рассмотреть специфику просветительской деятельности Духовного управления мусульман КБР в контексте противодействия фундаменталистским, неоязыческим и сектантским воззрениям;

– осмыслить основные направления партнерских отношений между СКИУ имени Имама Абу Ханифы и Пятигорским государственным лингвистическим университетом, имевших место в конце 2000 – середине 2010-х гг., в вопросе повышения конфессиональной грамотности исламской молодежи КБР.

Историография проблемы

Непосредственно специфику развития мусульманской образовательной структуры в Кабардино-Балкарской Республике с 1992 г. до начала 2020-х гг. исследуют лишь такие ученые, как С.И. Аккиева и И.М. Сампиев. Однако различные аспекты процесса формирования комплекса мусульманских образовательных учреждений в КБР исследуют, помимо указанных выше специалистов, С.В. Бережной, Ф.Р. Джантуева, М.В. Кушнир, А.Н. Такова, А.И. Тетуев, С.Р. Филатов. В своих научных трудах они анализируют следующие аспекты данной проблемы: участие зарубежных стран и религиозных, коммерческих и благотворительных структур в создании исламского конфессионального образования в Кабардино-Балкарии; элементы практической деятельности системы мусульманского образования в Кабардино-Балкарской Республике; роль муфтията республики и исламских учебных заведений в противодействии религиозному и этническому экстремизму; экономический аспект деятельности мусульманских учебных заведений в КБР с начала 1990 до начала 2020-х гг.

Р.М. Мухаметшин; М.Ф. Муртазин; А.П. Горбунов, И.Д. Ибрагимов; Е.Л. Дмитриева; Н.Г. Ковальчук; Н.А. Нефляшева; М.А. Сапронова, А.Л. Чечвишников; Ю.Ю. Клычников, К.В. Каспарян исследуют принципы и условия развития структуры исламского просвещения в общероссийском масштабе, специфические черты данного процесса на региональном уровне, особенности сотрудничества российских вузов и вузов, степень и сущность влияния общегосударственной системы исламского образования на динамику разви-

тия и поддержание конструктивного диалога между религиозными организациями и правительственными структурами в Российской Федерации.

В работах А.К. Аликберова, В.О. Бобровникова, А.К. Бустанова, Е.Х. Апажевой, В.Х. Акаева, Р. Бухараева (1951–2012), Р. Курбанова рассматриваются различные компоненты деятельности исламской уммы в России, в том числе особенности работы Духовных управлений мусульман и конфессиональных учебных заведений в вопросе противодействия фундаментализму.

Результаты научного исследования

Сложная общественно-политическая обстановка, сложившаяся в КБР в середине 2000-х гг., во многом связанная с проблемами конфессионального характера, требовала принятия целого комплекса мер, направленных на преодоление кризисной ситуации. Большое значение имела стратегия, ориентированная на качественное религиозное просвещение молодежи – с целью искоренения в ее среде радикальных псевдоисламских воззрений, способных не только внести раскол в мусульманскую общину КБР, но и привести, как показали трагические события 2005 г. в Нальчике, к вооруженному конфликту и, соответственно, человеческим жертвам.

ДУМ КБР необходимо было с учетом собственного положительного опыта, а также позитивных примеров деятельности мусульманских институтов в сопредельных республиках Северного Кавказа и исламской цивилизации в целом сформулировать и реализовать на практике программу духовно-культурного развития молодого поколения кабардино-балкарской уммы, а также его приобщения к конфессиональным и этническим ценностям, против которых, по существу, выступали представители экстремистских религиозных течений [1, с. 26]. Необходимость подобной деятельности во многом была обусловлена тем фактом, что «молящаяся молодежь» крайне негативно воспринимала сочетание местных традиций с базовыми канонами исламской религии, в том числе по причине невысокого уровня осведомленности радикалов о культуре и обычаях коренных народов республики [2, с. 38].

Политика распространения знаний о мусульманских и этнических культурных ценностях в молодежной исламской среде в Республике должна была осуществляться в соответствии с реалиями современности – ростом

влияния и возможностей электронных средств массовой информации (в первую очередь сетевых информационных платформ), многие из которых являлись трансляторами идей религиозного фундаментализма [3, с. 7]. Также ДУМ КБР и находившиеся в ее распоряжении исламские образовательные институты должны были учитывать возраставшее воздействие западного искусства и мировоззрения с его богоборческими проявлениями, превалированием материального благополучия над духовным развитием личности, а также негативным отношением к коллективизму – важному аспекту существования мусульманского сообщества. Культурно-духовное просвещение молодых мусульман, соответственно, было ориентировано на противодействие укоренению подобных идей в их общественном сознании [4, с. 13].

Глобализационные процессы в образовании и искусстве, а также трансформация в восприятии молодежью получаемых сведений об окружающей действительности и постепенное формирование так называемого клипового мышления обусловили необходимость поиска новых подходов к реализации духовно-культурной стратегии, способных заинтересовать представителей молодежи. Данное обстоятельство подразумевало создание материалов, имеющих не только информативный и дидактический, но и развлекательный характер, и облеченных в привычную для подрастающего поколения форму [5, с. 74].

В свою очередь, подобный подход требовал от ДУМ КБР, как и от всех аналогичных конфессиональных структур в иных субъектах Российской Федерации, предельной внимательности в процессе реализации во избежание нарушений исламских постулатов, связанных с развитием науки, образования и искусства. Дополнительной проблемой для реализации исламской культурной программы в КБР, суть которой будет рассмотрена ниже, являлась популярность идей неоязычества и призывов некоторых общественных деятелей республики к возвращению к верованиям предков и отказу от мусульманской религии как от чужеродного явления, созданного в рамках арабской цивилизации, не имеющей ничего общего с ценностями северокавказских социумов [6, с. 17].

Духовному управлению и исламским образовательным заведениям приходилось преодолевать влияние протестантских групп (адвентистов, баптистов и др.), получавших финансовую помощь из США и распространявших свою религиозную литературу, переведенную на кабардинский и балкарский языки, имевших в своем распоряжении библиотечный фонд, качественную видеоаппаратуру, помещения для проведения встреч с последователями, компьютерную технику, транспортные средства. Число их последователей, в сравнении со сторонниками салафитов или неоязычниками, было весьма малым, однако их деятельность с учетом их антиисламских воззрений также требовала локализации, а позднее – полной нейтрализации [7, с. 176].

Наибольшую опасность представляли Свидетели Иеговы, отличавшиеся особенно активной проповеднической деятельностью и максимально враждебным отношением как к исламу, так и к другим мировым религиям. Вред деятельности иеговистов заключался в убедительной для непросвещенных людей риторике, работе с малоимущими семьями и одинокими людьми, наиболее восприимчивыми к влиянию извне [8, с. 263].

Внешние оппоненты традиционного ислама в качестве одного из обвинений выдвигали ложный тезис о косности данной религии, ее препятствовании в развитии общественной мысли, искусства и т.д., обосновывая этим появление ваххабитских и иных радикальных течений и их приверженность к насильственным методам утверждения своей точки зрения. С учетом данного факта значимость культурного просвещения молодых мусульман и их старших единоверцев приобретала в КБР стратегическое значение [9, с. 62].

По этой причине с середины 2000-х гг. в Кабардино-Балкарском Исламском институте / Северо-Кавказском Исламском университете имени Имама Абу Ханифы представители администрации вуза и преподаватели, ответственные за реализацию внеаудиторных мероприятий, начали осуществление разъяснительной работы среди как студентов, так и их родственников, ориентированной на четкое формулирование сущности исламской религии и созданной в ее рамках мусульманской культуры. Вскоре данный вид деятельности стал осуществляться и в среднеобразовательных духовных заведениях [10, с. 18].

Культурно-просветительские мероприятия с указанного периода осуществляются при поддержке ДУМ КБР – под непосредственным кураторством заместителя муфтия по работе с молодежью [11, с. 123]. Культурнообразующие элементы ислама являются важным компонентом преодоления религиозной безграмотности и, следовательно, формирования гуманистического мировоззрения в студенческой среде, в первую очередь в конфессиональных учебных заведениях, а также роста истинной духовности и религиозности в среде мусульманской молодежи [12, с. 56].

Данный тезис соответствует культурно-образовательной политике Духовного управления мусульман КБР, начало которой было положено еще в 1990-х гг., а с середины первого десятилетия XXI в. выведено на новый уровень. При этом деятельность в области культуры, осуществляемая ДУМ республики и подотчетными ему исламскими учебными заведениями, реализуется на основе закона Кабардино-Балкарской Республики «О культуре», принятого в августе 2001 г. В соответствии с данным нормативным актом каждое конфессиональное объединение на территории КБР имеет право на деятельность в духовной сфере, в том числе носящую творческий характер. Республиканские властные структуры осуществляют вмешательство в культурную политику религиозных сообществ исключительно в случае, когда имеют место проявление экстремизма, нарушение законности в целом или проявления нетерпимости к иноверческим организациям [13, с. 190].

Активное участие представителей мусульманских общин республик Северо-Кавказского региона в работе международно-практического научного форума «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», который проводился в Пятигорском государственном университете (до 2016 г. – Пятигорском государственном лингвистическом университете) с 1996 г., оказало воздействие по обмену положительным опытом не только в образовательном процессе, но и в реализации культурной политики мусульманских образовательных учреждений, а также позволило избежать определенных просчетов, способных замедлить решение поставленных задач. Кроме того, совместная деятельность, осуществляемая в рамках данных конференций, основанная на участии в научных дискуссиях, позволила сфор-

мулировать более эффективную методологию ее практической реализации [14, с. 386].

Участие в симпозиуме «Мир на Северном Кавказе» обусловило появление четкой формулировки относительно исключительной роли мусульманской религии в формировании национальных культур региона в их тесной взаимосвязи, поступательном движении и непрерывном развитии и самосовершенствовании. Оптимизация методики реализации культурной исламской стратегии позволила ДУМ Кабардино-Балкарии и сотрудникам духовных учебных заведений эффективно разъяснять молодому поколению несостоятельность обвинений в адрес мусульманской религии, исходивших от сообществ, фактически призывавших к возвращению к языческим верованиям (но официально категорически отрицавшим данный вид деятельности). Одним из наиболее известных общественных деятелей, по сути, противостоявших исламу в республике, являлся крупный ученый-этнолог А.А. Ципинов, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, член АМАН (Адыгской международной академии наук) [15, с. 119].

Данный эксперт и его единомышленники, считавшие себя подлинными последователями Адыгэ Хабзэ – этнической философско-культурной концепции, способствовавшей формированию нравственных ориентиров и норм, с начала 1990-х гг. акцентировали внимание на особой значимости адыгского этнического сообщества и его важной роли в развитии северокавказской цивилизации, рассматривали принятие мусульманской религии как фактор, нанесший существенный ущерб культурной самобытности кабардинцев, черкесов и остальных адыгских народов [16, с. 45].

Наряду с возрождением интереса к адыгскому культурному наследию и развитию национального самосознания, которому способствовало детальное изучение домусульманских поверий и религиозных обычаев, они трактовали ислам как мировоззрение, чуждое адыгам в силу своей монотеистической концепции. Согласно концепции А.А. Ципинова, в общественной жизни КБР требовалось возродить основы кабардинского этикета, возобновить древние празднества, исключенные из жизни народа вследствие исламизации, которая, по его мнению, осуществлялась насильственным путем [17, с. 9]. Данный

тезис противоречил научным реалиям, сформировавшимся еще в советский период, в соответствии с которыми исламское мировоззрение укоренилось в адыгском общественном сознании, однако указанное обстоятельство не привело к искоренению многовековых народных обычаев, имевших непосредственное отношение к языческим верованиям [18, с. 13]. При этом аналогичная ситуация отмечалась в развитии всех мусульманских народов СССР, а также этносов, принявших христианство или буддизм, – во всех случаях этнокультурное своеобразие и уникальность были сохранены и усовершенствованы за счет взаимопроникновения различных духовных систем и их практик [19, с. 89].

Кроме того, научно-историческое сообщество Кабардино-Балкарии, многие представители которого не отличались высоким уровнем религиозности, не отрицали важную роль ислама не только в повышении образовательного уровня народов республики, но и достижении выдающихся результатов в музыкальном, архитектурном, литературном и иных видах искусства [20, с. 127].

Сложно было игнорировать значение мусульманской религии в установлении контактов между народами Северного Кавказа, отличавшимися друг от друга этническим происхождением, ментальностью, политической и правовой культурой, а также имевших определенные противоречия, к примеру, по территориальным вопросам – проблеме, сохранившей свою актуальность и в начале третьего десятилетия XXI в., когда неуклонно возрастает значимость миротворческой и посреднической деятельности традиционных исламских институтов. Педагогические работники исламских учебных учреждений КБР и сотрудники муфтията в беседах со студентами и учащимися аргументированно опровергали утверждение о вредоносном воздействии принятия ислама на развитие этнической культуры адыгов и указывали на тот факт, что доисламские этические нормы были не ликвидированы, а трансформированы в соответствии с мусульманской конфессиональной моралью, и бытовые особенности национального развития претерпели не столь радикальные изменения, как утверждали представители Адыгэ Хабзэ [21, с. 69].

Позднее, после трагической гибели профессора Ципинова в конце декабря 2010 г., ответственность за которую взяли на себя фундаменталисты, представители ДУМ, отмечая его значимую роль в развитии адыгской этнологии, личном неприятии насильственных действий и противодействию нетрадиционным исламским течениям, указывали на тот непреложный факт, что его позиция, как и убеждения любого сторонника неоязычества в принципе, фактически являлась шовинистической по своей сути. Неоязычество как массовое явление зародилось в Третьем рейхе в 1930-х гг. с целью насаждения в немецкой среде убежденности в происхождении германцев от истинных богов и в чуждом характере христианства (как и любой из мировых религий), не признающего этнической и расовой обобщенности и тем более исключительности. Подобные идеи (адаптированные под необходимость возвращения к славянским, тюркским, адыгским, финно-угорским языческим верованиям – в зависимости от этнической принадлежности того или иного идеолога) получили широкое распространение в России в начале 1990-х гг. [22, с. 161].

Данная ситуация возникла в условиях, когда после отказа от коммунистических убеждений в обществе возник идеологический и мировоззренческий вакуум, а традиционные религиозные институты еще находились в процессе этапа восстановления и не были в состоянии в полном объеме удовлетворить духовные потребности граждан [23, р. 244]. В исламских образовательных учреждениях КБР педагоги разъясняли учащимся, что призыв к возвращению к вере предков, осуществлявшийся представителями Адыгэ Хабзэ, вступал в противоречие с тем фактом, что и ислам являлся религией, которую почитали предшествующие современным поколения адыгских народов. Положительно оценивая борьбу кабардинцев и родственных им народов против Российской империи в период Кавказской войны 1817–1864 гг., А.А. Ципинов игнорировал то обстоятельство, что данное вооруженное противодействие осуществлялось ими в рамках принадлежности к исламской конфессии, а исход адыгов в Османскую империю – мухаджирство – представлял собой явление, характерное для мусульманского понимания отношений с иноверческими государствами и сообществами [24, с. 57].

В данном контексте следует указать на одну из дискуссий касательно отношения профессора Ципинова к исламу и его призывов к возвращению к доисламским религиозным истокам адыгов, организованную на одном из практических занятий в Северо-Кавказском Исламском университете в 2015 г. В ходе обсуждения был осуществлен анализ тезиса его сторонников, согласно которому выдающиеся заслуги А.А. Ципинова в научной сфере предполагают максимально уважительное отношение к его памяти и исключают критику в его адрес.

Один из студентов, участвующих в дискуссии, отметил, что Р. Киплинг (1865–1936) и А. Конан-Дойл (1859–1930) являются классиками мировой и английской литературы, что не отменяет их активных расистских воззрений, согласно которым народы Африки, Латинской Америки и Азии (к которым, по существу, можно отнести и народы Северного Кавказа) являются цивилизационно отсталыми. Второй студент констатировал, что, вопреки утверждениям деятелей Адыгэ Хабзэ и иных сторонников почитания доисламских адыгских или тюркских верований, принятие мусульманства (в равной степени как и активная пропаганда интернационализма, которая осуществлялась на протяжении всего советского периода истории России) не лишило кабардинцев и балкарцев чувства национального самосознания. Он обосновал свой аргумент тем фактом, что противники ислама ведут речь об этнической самобытности, памяти о которой, как и народных обычаев, и нравственных норм, они никогда не были лишены, как и другие северокавказские этносы, которым в значительной степени характерна национальная гордость вне зависимости от вероисповедания или его отсутствия; исламская религия, не признающая этнических, расовых и иных отличий, в свою очередь позволяет обретать близость с единоверцами, представляющими любые народы. Третий участник дискуссии акцентировал внимание аудитории на том, что использование арабского языка в мусульманском богослужении не тождественно процессу арабизации кабардинцев и балкарцев уже по той причине, что они продолжают использовать в обиходе родную речь, сохраняют национальную кухню и одеяния; головные уборы местного исламского духовенства являются адаптацией к местным природным и иным реалиям. Следовательно, отметил

студент, мусульманское вероисповедание не противоречит и не препятствует чувству принадлежности к кабардинскому и балкарскому народам [3, с. 8].

С 2005 г. СКИУ имени Имама Абу Ханифы действовал по четко структурированной программе воспитательной работы, оказывая при этом активное содействие мусульманским средним школам республики в реализации данного вида учебной деятельности. Наиболее плодотворное партнерство в данном контексте было развито с медресе «Нур», единственным в КБР исламским учебным учреждением второго уровня, и Центром арабского языка и таджвида (коранической орфоэпии), расположенным в республиканском административном центре. Важным компонентом воспитательного процесса СКИУ, медресе и примечетских школ являлась культурно-массовая работа, ориентированная на развитие эстетического восприятия учащимися и формирование навыков творческого мышления, уважение к духовному наследию ислама и народов республики [21, с. 62].

Не меньшее значение имела организация спортивно-оздоровительной деятельности, основанной в соответствии как с нормами Корана, так и с базовыми постулатами педагогической науки в целом, которые подразумевают гармоничное и многоаспектное личностное развитие – в сочетании умственного и физического совершенствования. Данный критерий реализовывался за счет организации спортивных соревнований (по баскетболу, волейболу, футболу, настольному теннису), в ходе мероприятий по профилактике различных заболеваний и повышению культуры личной гигиены, посредством правильного питания и здорового образа жизни, разъяснения необходимости сохранения окружающей среды, осуществления в практической плоскости принципов коллективизма и работы на командном уровне, также соответствующих мусульманским и общепедагогическим моральным ценностям. Важную роль в данном процессе играли органы студенческого и ученического управления духовных учебных заведений [24, с. 55].

Культурное просвещение студентов и школьников мусульманских образовательных учреждений КБР реализовывалось, в том числе, посредством анализа достижений исламского искусства в республике. К примеру, учащиеся анализировали специфику архитектурного стиля Центральной мечети

города Нальчика, сочетающего принципы арабского зодчества при создании фасада здания, и местного строительного искусства, основанного на использовании минералов и каменных пород, добываемых в Кабардино-Балкарии, и аскетизма во внешнем оформлении. Студенты виуза и учащиеся примечетских школ изучали историю данного культового сооружения, основанного в 2004 г. А.В. Асановым – лауреатом республиканского конкурса проектов по строительству нового мусульманского храма в столице КБР [18, с. 13].

В Кабардино-Балкарии продолжалось развитие исламского танцевального искусства, обучение которому в республике было положено в 1990 – начале 2000-х гг., под сопровождение игры на большом количестве музыкальных инструментов. В этом жанре прослеживается осязаемое различие этнических танцев, допускающих вовлечение женщин, и религиозных, для которых по нормам ислама подобное неприемлемо. В процессе участия во внеаудиторных мероприятиях учащиеся и студенты мусульманских образовательных учреждений изучали шедевры мусульманского музыкального творчества в его арабской, турецкой, персидской интерпретации, анализировали классическую музыку, мелодический фольклор кабардинцев и балкарцев, а также творчество республиканских композиторов З.А. Жирокова, М.З. Кабардокова, В.Л. Молова, Д.К. Хаупа.

Подростки и представители юношества, обучающиеся в исламских учебных заведениях КБР, изучали арабскую классическую литературу, произведения мусульманских писателей, шедевры мировой, в частности российской и северокавказской, светской литературы, проводили (при помощи представителей преподавательского состава) обсуждение прочитанных книг. В частности, весной 2014 г. оживленную дискуссию студентов и старшеклассников исламских учебных учреждений КБР вызвало произведение известного балкарского писателя и ученого-литературоведа З.Х. Толгурова «Голубой типчак», в котором автор рассматривает тяжелый период антирелигиозной кампании на территории Кабардино-Балкарии, сопровождающийся разрушением мусульманских храмов (и в иносказательном смысле – систематическим уничтожением духовного сознания верующих) [17, с. 6].

С конца 2000-х гг. внеаудиторная работа СКИУ осуществлялась в тесном сотрудничестве с Пятигорским лингвистическим государственным университетом (ныне ПГУ), в первую очередь с кафедрой восточных языков и культур. На начальном этапе данного сотрудничества студенты Северо-Кавказского Исламского университета осенью 2009 г. вместе с ректором Ш.Ю. Чочаевым (1960–2025) приняли участие в проходившей в ПГЛУ региональной научно-практической конференции «Взаимодействие государства и религиозных конфессий в современном образовательном пространстве», посвященной 1310-летию со дня рождения крупного мусульманского теолога и правоведа Имама Абу Ханифы, в честь которого назван виуз города Нальчика.

Среди наиболее значимых мероприятий, организованных на базе ПГЛУ / ПГУ, в которых участвовали студенты СКИУ в 2007–2015 гг., следует отметить дискуссионную площадку «Роль и место Духовных управлений мусульман Северного Кавказа в социализации исламской молодежи (22–24 ноября 2014 г.)»; международно-практические конференции «Особенности исламского образования и культуры: Азербайджан, Казахстан, Таджикистан (24–26 ноября 2014 г.)», «Направления и перспективы реализации Концепции развития исламского образования России», проходившей при участии представителей Азербайджана, Иордании, Казахстана, Кувейта, Таджикистана (3–5 декабря 2014 г.), «Исламское образование в поликультурном пространстве России: вчера, сегодня, завтра» с участием представителей Азербайджана, Египта, Иордании, Казахстана, Кувейта, Таджикистана; круглый стол «Анализ учебно-методической литературы по арабскому языку и дисциплинам конфессиональной подготовки зарубежного и/или отечественного издания» [3, с. 8].

Заключение

Таким образом, следует прийти к выводу о том, что практическая деятельность исламских учебных учреждений в Кабардино-Балкарской Республике в 2005–2015 гг., ориентированная на приобщение мусульманской молодежи к религиозным и культурным традиционным ценностям, в целом решила свою просветительскую задачу и повысила образовательный и мировоззренческий уровень студентов и школьников.

Работа в области культурного просвещения, которая осуществлялась в сфере мусульманского образования в КБР с середины 2000 по середину 2010-х гг., оказала противодействие распространению идей псевдоисламского экстремизма, а также неоязыческих и сектантских учений. Воспитательные мероприятия, организованные в рассматриваемый период муфтием Кабардино-Балкарии и исламскими учебными учреждениями в формате круглых столов, способствуют более глубокому пониманию молодым поколением не только основ мусульманской религии, но и в целом общественных процессов, а также необходимости использовать навыки логического мышления для поиска компромисса.

Важной задачей структуры исламского образования КБР в 2005–2015 гг. была интеграция мусульманского просвещения республики в общую образовательную систему России, обеспечивавшая гармонизацию религиозных дисциплин с современными образовательными стандартами. Большую роль в решении данной задачи имело активное сотрудничество СКИУ имени Имама Абу Ханифы с Пятигорским государственным лингвистическим университетом в научной, культурной и учебной сферах деятельности.

В целом следует констатировать: культурная политика исламских образовательных заведений КБР в указанный период способствовала укреплению межнациональных связей и стабилизации обстановки в республике.

Литература

1. Аккиева С.И. *Ислам в Кабардино-Балкарской Республике*. М.: ООО Издательская группа «Логос»; 2009. 135 с.
2. Мухаметшин Р.М. Стратегические направления развития мусульманского образования в России. *Ислам в современном мире*. 2015;11(4):35–46.
3. Ибрагимов И.Д. Особенности организации исламского образования в государственном вузе (на примере Пятигорского государственного университета). *Образование и духовная безопасность*. 2017;2(2):6–10.
4. Джантуева Ф.Р. Ислам в системе этнической и религиозной идентичности карачаевцев и балкарцев. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2009;1:12–15.

5. Нефляшева Н.А. Мусульманское образование на Северо-Западном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.). *Вестник Московского Университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2009; 4:72–92.
6. Ковальчук Н.Г. О состоянии системы мусульманского образования в России. *Minbar. Islamic Studies*. 2009;2(2):15–18.
7. Бережной С.В. Кабардино-Балкарская республика как пример эволюции исламского фундаментализма на Северном Кавказе. *Центральная Азия и Кавказ*. 2006; 2(44):170–180.
8. Такова А.Н. «Молящаяся» мусульманская молодежь как субкультура кабардино-балкарского общества. *Религия и общество на Кавказе*. 2016;2(34):256–280.
9. Курбанов Р. Глобализация сознания мусульман Кавказа: призыв и джихад. *Центральная Азия и Кавказ*. 2006;6(48):64–80.
10. Акаев В.Х. *Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе*. М.: Российская академия наук, Институт антропологии и этнологии; 1999. 26 с.
11. Горбунов А.П., Ибрагимов И.Д. Университетское теологическое образование как уникальный фактор преемственности межконфессионального диалога в поликультурном пространстве. *Minbar. Islamic Studies*. 2009;2(2):121–127.
12. Такова С.Н. Исламская оппозиция в Кабардино-Балкарской республике: формирование, развитие, радикализация (конец 80-х годов XX – начало XXI века). *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2009;3(151):53–58.
13. Кушнир М.В. Адыгские международные неправительственные организации: структура, функции, основные направления деятельности. *Вестник Чувашского университета*. 2012;1:187–194.
14. Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. *Российский ислам: Очерки истории и культуры*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Институт Востоковедения Российской Академии Наук; 2018. 456 с.
15. Ярлыкапов А.А. Ислам и конфликт на современном Северном Кавказе. *Кавказ и глобализация*. 2012;6(3):115–127.

16. Ярлыкапов А. Исламские общины Северного Кавказа: идеология и практика. *Азия и Африка сегодня*. 2006;1(582): 44–49.

17. Сапронова М.А., Чечевишников А.Л. Исламское образование в России – собственная модель? *Право и образование*. 2019;6:4–14.

18. Дмитриева Е.Л. Исламское образование в России: история и современность. *Россия и мусульманский мир*. 2018; 4(310):12–17.

19. Тетуев А.И. Образование как фактор укрепления стабильности, согласия и толерантности в современном обществе (на материалах Кабардино-Балкарии). *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение*. 2005;S10:82–91.

20. Клычников Ю.Ю., Каспарян К.В. Конфессиональная государственная политика СССР и РФ по отношению к исламу 1970–1990-х гг. *Теология и богословие: сотрудничество для сохранения и укрепления российского государственного наследия. Материалы Международной образовательной конференции*. Т. 1. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; 2022. С. 121–129.

21. Муртазин М.Ф. Развитие исламского религиозного образования на Северном Кавказе и в Европейской части страны: тенденции и перспективы. *Историко-культурное наследие Юга России. Научно-практическая конференция. г. Ставрополь, 8 февраля 2015 г.* М.: Научное общество кавказоведов, Книжный мир; 2015. С. 57–71.

22. Аккиева С.И., Сампиев И.М. Состояние и проблемы мусульманского образования в Кабардино-Балкарской Республике. *Теория и практика общественного развития*. 2015;22:158–163.

23. Bukharaev R. *Islam in Russia: The Four Seasons*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2014. 356 p.

24. Филатов С.Р. Кабардино-Балкария в поисках религиозного мира. *Россия и мусульманский мир*. 2015; 5(275):45–59.

References

1. Akkiyeva S.I. *Islam v Kabardino-Balkarskoy Respublike* [Islam in the Kabardino-Balkarian Republic]. Moscow: LLC Publishing Group “Logos”; 2009. 135 p. (In Russian)

2. Mukhametshin R.M. Strategicheskie napravleniya razvitiya musul'manskogo obrazovaniya v Rossii [Strategic directions for the development of Muslim education in Russia]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]. 2015;11(4):35–46. (In Russian)
3. Ibragimov I.D. Osobennosti organizatsii islamskogo obrazovaniya v gosudarstvennom vuze (na primere Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta) [Features of the organization of Islamic education (using the example of Pyatigorsk State University)]. *Obrazovanie i dukhovnaya bezopasnost'* [Education and spiritual security]. 2017;2(2):6–10. (In Russian)
4. Dzhan TUYEVA F.R. Islam v sisteme etnicheskoy i religioznoy identichnosti karachaevtsev i balkartsev [Islam in the system of ethnic and religious identity of Karachays and Balkars]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current problems of the humanities and natural sciences]. 2009;1:12–15. (In Russian)
5. Neflyasheva N.A. Musul'manskoe obrazovanie na Severo-Zapadnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh v.) [Muslim education in the Northwestern Caucasus (the second half of the XIX – early XX century)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie* [Bulletin of Moscow University. Ser. 13. Oriental studies]. 2009;4:72–92. (In Russian)
6. Koval'chuk N.G. O sostoyanii sistemy musul'manskogo obrazovaniya v Rossii [On the state of the Muslim education system in Russia]. *Minbar. Islamic Studies*. 2009;2(2):15–18. (In Russian)
7. Berezhnoy S.V. Kabardino-Balkarskaya respublika kak primer evolyutsii islamskogo fundamentalizma na Severnom Kavkaze [Kabardino-Balkarian Republic as an example of the evolution of Islamic Fundamentalism in the North Caucasus]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2006;2(44):170–180. (In Russian)
8. Takova A.N. “Molyashchayasya” musul'manskaya molodezh' kak subkul'tura kabardino-balkarskogo obshchestva [“Praying” Muslim youth as a subculture of Kabardino-Balkarian society]. *Religiya i obshchestvo na Kavkaze* [Religion and society in the Caucasus]. 2016;2(34):256–280. (In Russian)

9. Kurbanov R. Globalizatsiya soznaniya musul'man Kavkaza: prizyv i dzhikhad [Globalization of consciousness of Muslims of the Caucasus: the call and jihad]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2006;6(48):64–80. (In Russian)

10. Akayev V.Kh. *Sufizm i vakhkhabizm na Severnom Kavkaze* [Sufism and Wahhabism in the North Caucasus]. Moscow: the Russian Academy of Sciences, Institute of Anthropology and Ethnology Publ.; 1999. 26 p. (In Russian)

11. Gorbunov A.P., Ibragimov I.D. Universitetskoe teologicheskoe obrazovanie kak unikal'nyy faktor preemstvennosti mezhkonfessional'nogo dialoga v polikul'turnom prostranstve [University Theological Education as a unique factor of continuity of Interfaith Dialogue in a Multicultural Space]. *Minbar. Islamic Studies*. 2009;2(2):121–127. (In Russian)

12. Takova S.N. Islamskaya oppozitsiya v Kabardino-Balkarskoy respublike: formirovanie, razvitie, radikalizatsiya (konets 80-kh godov XX – nachalo XXI veka) [The Islamic Opposition in the Kabardino-Balkarian Republic: formation, development, radicalization (the late 80s of the XX and the early XXI century)]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki* [The News of universities. The North Caucasus region. Social Sciences]. 2009;3(151):53–58. (In Russian)

13. Kushnir M.V. Adygskie mezhdunarodnye nepravitel'stvennye organizatsii: struktura, funktsii, osnovnye napravleniya deyatel'nosti [Adyghe international non-governmental organizations: structure, functions, main activities]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University Publ.]. 2012;1:187–194. (In Russian)

14. Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O., Bustanov A.K. *Rossiyskiy islam: Ocherki istorii i kul'tury* [Russian Islam: Essays on History and Culture]. 2nd ed. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ.; 2018. 456 p. (In Russian)

15. Yarlykapov A.A. Islam i konflikt na sovremennom Severnom Kavkaze [Islam and conflict in the modern North Caucasus]. *Kavkaz i globalizatsiya* [The Caucasus and globalization]. 2012;6(3):115–127. (In Russian)

16. Yarlykapov A. Islamskie obshchiny Severnogo Kavkaza: ideologiya i praktika [Islamic Communities of the North Caucasus: ideology and practice]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today]. 2006;1(582): 44–49. (In Russian)
17. Sapronova M.A., Chechevishnikov A.L. Islamskoe obrazovanie v Rossii – sobstvennaya model'? [Has Islamic education in Russia got its own model?] *Pravo i obrazovanie* [Law and education]. 2019;6:4–14. (In Russian)
18. Dmitriyeva E.L. Islamskoe obrazovanie v Rossii: istoriya i sovremennost' [Islamic Education in Russia: History and Modernity]. *Rossiya i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim world]. 2018;4(310):12–17. (In Russian)
19. Tetuyev A.I. Obrazovanie kak faktor ukrepleniya stabil'nosti, soglasiya i tolerantnosti v sovremennom obshchestve (na materialakh Kabardino-Balkarii) [Education as a factor of strengthening stability, harmony and tolerance in modern society (based on the materials of Kabardino-Balkaria)]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. Prilozhenie* [News of universities. The North Caucasus region. Social sciences. Application]. 2005; S10:82–91. (In Russian)
20. Klychnikov Yu.Yu., Kasparyan K.V. Konfessional'naya gosudarstvennaya politika SSSR i RF po otnosheniyu k islamu 1970–1990-kh gg. [Confessional state policy of the USSR and the Russian Federation in relation to Islam in the 1970s and 1990s]. *Teologiya i bogoslovie: sotrudnichestvo dlya sokhraneniya i ukrepleniya rossiyskogo gosudarstvennogo naslediya. Materialy Mezhdunarodnoy obrazovatel'noy konferentsii* [Theology and Divinity: cooperation for the preservation and strengthening of the Russian state heritage. Materials of the International Educational Conference]. Vol. 1. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmully Publ.; 2022, pp. 121–129. (In Russian)
21. Murtazin M.F. Razvitie islamskogo religioznogo obrazovaniya na Severnom Kavkaze i v Evropeyskoy chasti strany: tendentsii i perspektivy [The development of Islamic religious education in the North Caucasus and in the European part of the country: trends and prospects]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Yuga Rossii. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya. g. Stavropol', 8 fevralya 2015 g.* [Historical and cultural heritage of the South of Russia. Scientific and practical

M.M. Shibzukhov

**The role of the Muslim education system in Kabardino-Balkaria in introducing the Islamic...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):377–398**

conference. Stavropol, February 8, 2015]. Moscow: Scientific Society of Caucasian Studies, Book World; 2015, pp. 57–71. (In Russian)

22. Akkiyeva S.I., Sampiyev I.M. Sostoyanie i problemy musul'manskogo obrazovaniya v Kabardino-Balkarskoy Respublike [The state and problems of Muslim education in the Kabardino-Balkar Republic]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2015;22:158–163. (In Russian)

23. Bukharaev R. *Islam in Russia: The Four Seasons*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2014. 356 p.

24. Filatov S.R. Kabardino-Balkariya v poiskakh religioznogo mira [Kabardino-Balkaria in search of religious peace]. *Rossiya i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim world]. 2015; 5(275):45–59. (In Russian)

Информация об авторе

Шибзухов Мурат Мухамедович, ректор Северо-Кавказского Исламского университета имени Имама Абу Ханифы, г. Нальчик, Российская Федерация.

About the author

Murat M. Shibzukhov, the Rector of the North Caucasus Islamic University named after Imam Abu Hanifa, Nalchik, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 февраля 2025
Одобрена рецензентами: 12 мая 2025
Принята к публикации: 12 июня 2025

Article info

Received: February 12, 2025
Reviewed: May 12, 2025
Accepted: June 12, 2025